



Международная академия методологии
государственного управления
МОО
Всероссийское общественное движение
«Социальная справедливость – будущее России»
ВОО

Озабочена ли «вертикаль» России: гражданского общества как такового нет, социальных групп тоже, зато имеются сословия?

Том 404(446)

Москва - 2020

Научное издание

Международный межведомственный научный сборник

Том 404(446)

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации:
серия КВ № 6

ББК 67.9 (4 УКР)698
УДК 343.37 (399)

Рекомендовано к печати
Экспертным Советом
Международной академии методологии государственного управления
29 апреля 2020, протокол № 3

**Озабочена ли «вертикаль» России:
гражданского общества как такового нет,
социальных групп тоже, зато имеются
сословия? / Гл. ред. Комарова А.И. Том
404(446).М., 2020.**

ISBN978-5-91578-013-409

Для сотрудников государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, политиков, ученых, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей высших и других образовательных учреждений, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания человечного общества-общества социальной справедливости в России, Украине и в Мире

©Международная академия
методологии государственного управления, 2020
©Всероссийское общественное движение «Социальная
справедливость – будущее России», 2020.

Настоящий Том 404(446) – это очередной выпуск 446 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Основной из принципов нашей активности: «Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут инициировать действия государственно-управленческого, политического, научного ... АВАНГАРДА общества, миллионов народных масс».

А.Комарова

Комарова Алина Ивановна – Председатель Международного антикоррупционного комитета (МОО), ректор Международной академии методологии государственного управления (МОО), руководитель Международного общественного движения «Созидание общества социальной справедливости», академик Ноосферной общественной академии наук, доктор философских наук, профессор, юрист



В числе 49 направлений нашей многолетней научно-практической деятельности особое место занимает проблема России как государства планетарного масштаба, как особая страна – страна особого исторического предназначения.

Россия – это пространство исторической неотъемлемой ответственности и как большого государства, и как когда-то, и более того – в будущем

великой державы, как собирательницы земель и народов,
как особого типа цивилизации,
интегрирующей цивилизации, в отличие от колонизующей страны цивилизаций,
образцы чего показывает Запад.

В геополитических условиях глобальных угроз миру современная фактическая и футурологическая мировая роль России постоянно возрастает.

Это обуславливает то, что Том 247(289) начал рубрику:
«Русская (славянская) цивилизация»,
Том 251(293) продолжил эту рубрику с учетом эволюционно-исторической закономерности цивилизационного развития:
«Российская (русская) цивилизация: история, реалии, перспективы».

Аналитико-прогностический аспект, а Том 320(362) уточняет, конкретизирует эту рубрику:
«Российская (русская, многонациональная) цивилизация: история, реалии, перспективы»

* * *

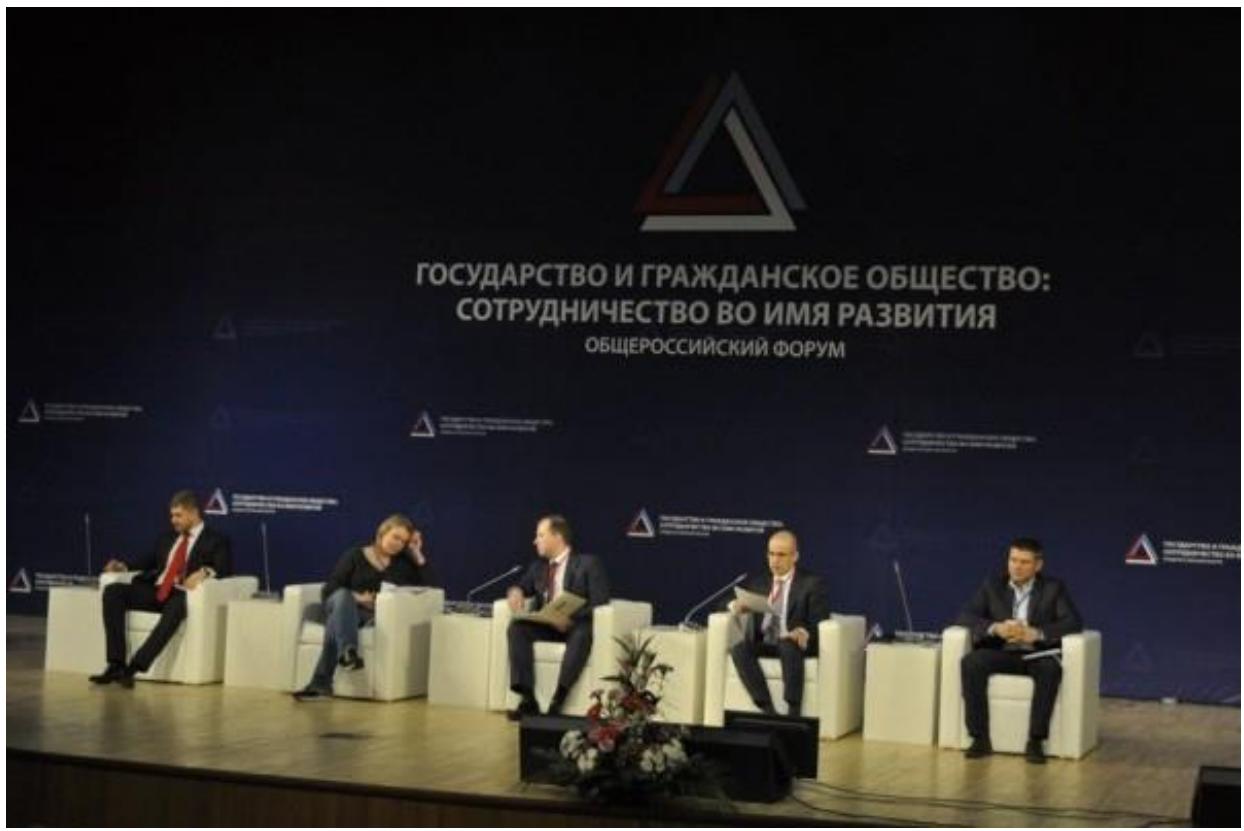
Озабочена ли «вертикаль» России: гражданского общества как такового нет, социальных групп тоже, зато имеются сословия? / Гл. ред. Комарова А.И. Том 404(446).М., 2020.

* * *

Почему в России

не сложилось гражданское общество?

Евгений Чупрунов, политолог, историк



В интеллектуальной среде в последнее время много говорится о судьбах России. Пеняют на сырьевую экономику, «плохого» президента, обвиняют во всех бедах российский криминал и т.д. Наиболее смелые (и при этом недальновидные) люди заговаривают о необходимости перемен, подразумевая смену существующего строя революционным путем.

Все вышеперечисленные проблемы, безусловно, имеют место быть – но они, скорее симптомы болезни, а не ее причина.

Даже засилие бюрократии, негативным образом влияющее на эффективность государства – это тоже только следствие.

Истинная причина проблем России кроется в отсутствии гражданского общества. Та модель общественных отношений, которая сложилась в Европе – в силу ряда причин не смогла в полной мере реализоваться в России. Мы более-менее успешно скопировали технологический уклад Запада, при этом фактически отказавшись реформировать наше общество.

Далее предлагаю поговорить об исторических причинах, которые выступили в качестве тормоза, замедляющего становление в России гражданского общества, а также о перспективах его становления на современном этапе.

Исторические предпосылки

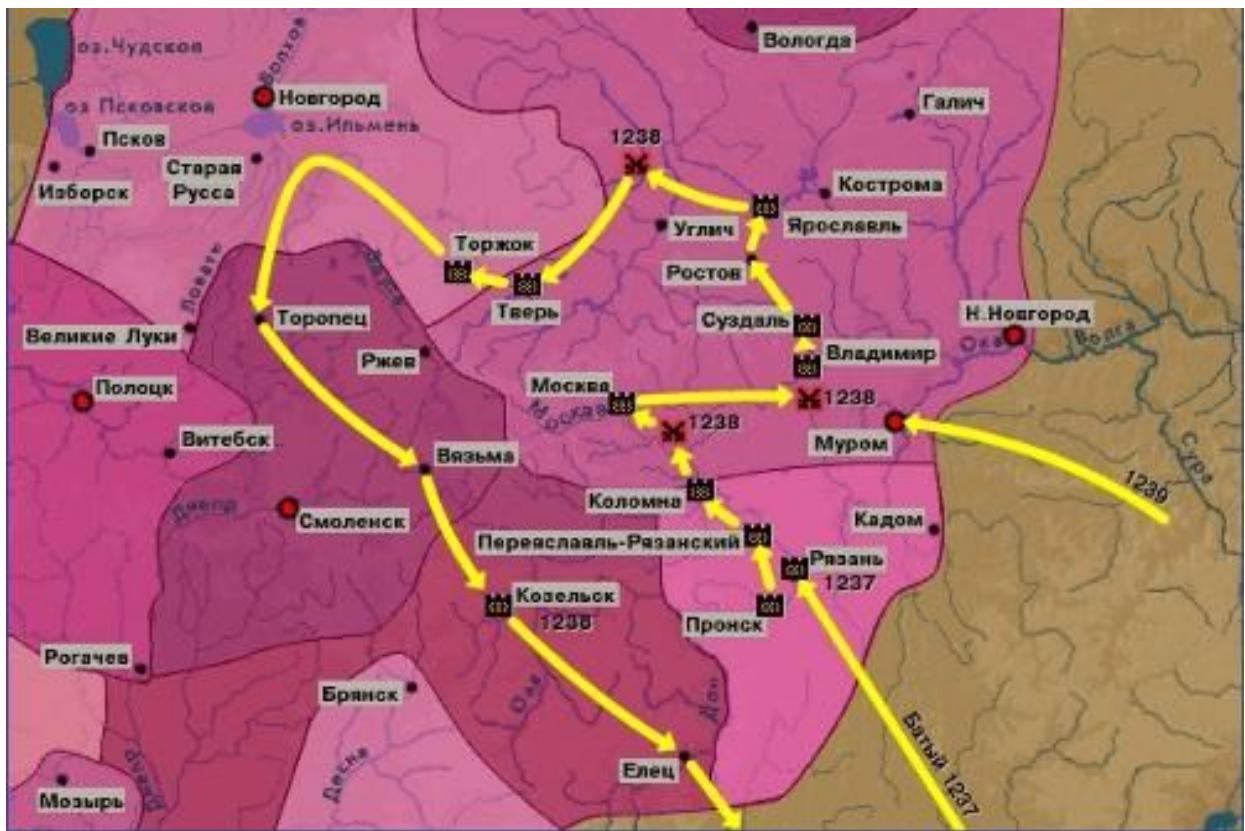
До определенного исторического момента развитие России шло в целом по европейскому пути: христианизация Руси, начатая в 988 году князем Владимиром, проникновение на территорию русских княжеств культуры и искусств, бывших фактически отголосками античной цивилизации, создание при Ярославе Мудром свода законов Русская Правда, регламентировавшего отношения между людьми. Последовавший далее период феодальной раздробленности привел к тому, что на территории Руси начала формироваться многочисленная элита. Схожие процессы проходили и в большинстве княжеств и земель Европы. Причем по ряду признаков можно судить, что в силу наличия относительно больших территориальных ресурсов, отношения между русской элитой и народом были во многом более демократичными (можно сказать патриархальными), нежели, например, отношения между элитой и населением в Великобритании, страдавшей от нехватки плодородных земель. Несмотря на выраженное социальное неравенство, Русская Правда не низводит холопа или закупа до положения вещи – он все равно человек, за причинение вреда которому полагалось соответствующее наказание.

Западные славянские княжества, ставшие в будущем государствами Чехией и Польшей – оказались гораздо ближе к западному пути развития, в чем помимо географического положения, во многом играла роль развивающаяся торговля между европейскими государствами и землями.

Первым фактором, внесшим существенное различие в менталитет европейцев и восточных славян – стало принятие христианства в его различных версиях. Рим на Западе и Константинополь на Востоке, формировали цивилизации отличные не только в толковании церковных догматов. Различались образ жизни, рацион питания, культура и искусство – причем со временем эта дифференциация только увеличивалась. В 1203 году греческой империи был нанесен удар в спину: войска крестоносцев захватили Константинополь. За 250 лет греческая империя так и не смогла полностью оправиться от учиненного в 1203 году погрома. Итогом повальных грабежей и резни стало ослабление империи, повлекшее в итоге падение Константинополя под ударами турецких армий в 1453 году. Это эпохальное для средневековья событие привело к тому, что восточные христиане, по сути, оказались оторванными от корней, от первоисточника (для них) православной веры.

На Руси разрыв отношений с Европой был обусловлен татаро-монгольским игом, установившимся вследствие похода Батыя в 1237-1242 годах, более на два века с лишним ранее, нежели падение Константинополя. Зависимость русских княжеств от захватчиков сохранялась вплоть до 1480 года и закончилось знаменитым стоянием на Угре, в ходе

которого войска царя Ивана III окончательно закрепили независимое положение Московского княжества.



Есть многочисленные мнения, в том числе такого историка как Лев Гумилев, доказывающие, что ига как такового не было. Но факты есть факты. Был разорительный поход Батыя на Русь, подорвавший экономический потенциал русских княжеств, деградация строительства каменных зданий и безмонетный период. Ранее независимые княжества развивавшие торговые отношения с европейцами, оказались переориентированы на Восток, откуда утверждалась власть русских элит, откуда приходили сборщики дани, а нередко и карательные отряды, столетиями державшие в страхе подчиненные территории. Даже русская мода тех лет разительно отличается от европейской, во многом копируя одежду татаро-монголов, в оружейном деле также очень четко прослеживается восточное влияние. Естественно, отношение восточных деспотий к собственному населению – в значительной мере отличалось от аналогичных взаимоотношений имевших место в Европе.

Конечно, Европа тех лет тоже не была земным раем с устоявшейся демократией и функционирующим гражданским обществом – костры инквизиции, крестовые походы, борьба с еретиками, неравенство и бесправие простых людей (в большинстве случаев) и непрекращающаяся война всех против всех были нормой для европейского средневековья. И, тем не менее, в сравнении с восточными деспотиями, путь средневековой Европы, завершившийся началом эпохи Возрождения выглядит гораздо более прогрессивным.

Одним из наиболее развитых русских княжеств средневековья была олигархическая Новгородская республика. Обширное торговое государство, бывшее членом Ганзейского союза, имевшее торговые фактории европейцев на территории Новгорода (Готский и Немецкий дворы), содержавшее собственный торговый флот. Всему этому Новгородская республика была обязана, во многом, воле случая, не допустившего разграбления города татаро-монгольскими ордами. Захватчики просто не дошли до города: то ли в силу

дорожной распутицы, а может в силу хитрости новгородских купцов, которые предпочли откупиться от незваных гостей. Так или иначе, Великий Новгород избежал разграбления и сильного влияния восточных деспотий.



Существование Новгородского Веча вообще выводит Республику на передовые позиции с точки зрения государственного строительства в Европе: Новгород можно сравнивать с генуэзской республикой, либо вольными городами Германии. Князь, по мнению историков, был в Новгороде фигурой скорее номинальной, реальная же власть принадлежала «300 золотым поясам» - избранной торговой олигархии, о чем имеется упоминание в ганзейском источнике датированным 1331 годом. Имелся у города и выборный посадник, сама должность которого свидетельствует о наличии развитых (по тому времени) гражданского общества и местного самоуправления в Республике.

В центре исторически русских земель набирало силу Великое Княжество Московское, в своей политике длительное время ориентировавшееся на Золотую Орду. Московские князья даже принимали участие в карательных набегах ордынцев: разгром восставшей Твери в 1327 году стал возможен только при помощи предательства Москвы и Суздаля. Вскоре единственным прямым конкурентом (из числа русских княжеств) для москвичей осталась Новгородская Республика. Ее ослабление начал еще Дмитрий Донской, собравший с новгородцев в 1387 году огромную дань размером в 8000 рублей. Традицию ходить в Новгород «за деньгами» восприняли также и другие московские князья и цари – Иван III, а также Иван Грозный обирали Новгород, последний же организовал жестокую резню оппозиционно настроенной к Москве новгородской знати. Новгородские вольности были ликвидированы, остатки знати и политически активного населения были распределены по другим княжествам, Новгород же заселили лояльные московскому царю люди.

Шелонская битва, состоявшаяся на берегу реки Шелони в 1471 году, привела к жестокому разгрому москвичами новгородского ополчения, состоявшего преимущественно из ремесленников и торговцев. Торговая республика проиграла профессиональной

московской армии – поражение стало той точкой отсчета, когда русские княжества окончательно сошли с европейского пути развития, встав на путь московский.



В судебнике 1497 года был введен первый закон, устанавливающий начавшееся закрепощение крестьян. Согласно указу, крестьянин теперь мог покинуть помещика толико в течение двух недель в году: за неделю до Юрьева дня (26 ноября) и за неделю позже. Знаменитая поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», стала отзвуком события, в результате которого русские землепашцы в одночасье превратились из свободных простых людей в холопов, закрепленных за своим господином, проще говоря, крепостными. Крепостное право на долгие столетия заморозило процесс зарождения на Руси гражданского общества.

Петр Первый и его реформы. Положение людей при Романовых.

Среди значительной части отечественных историков, самым «европейским» правителем за всю историю России считается Пётр I. С внешней точки зрения основатель Санкт-Петербурга действительно сделал очень многое: европейский образ жизни, маниакально внедряемый царем-реформатором, разрушил прогнившую средневековую конструкцию восточного московского государства.

Строились корабли, города, заводы и фабрики, рубились бороды, платье шилось на европейский фасон, в стране появились музеи, медицина, образование – Пётр тщательно копировал все увиденные им внешние стороны жизни в Европе. При Петре в России появилось немало иностранцев: врачей, ученых, инженеров, военных.

Однако привнесенные Петром новшества оказались очень тонки и поверхностны – «Петербурх», как тогда говорили россияне, стал едва ли не единственным действительно европейским городом в государстве. Человеческий же монолит – миллионы крепостных крестьян, не увидели в своем положении ровным счетом никакого улучшения. Более того,

их труд эксплуатировался, пожалуй, еще более интенсивно, нежели это было раньше. При Петре появилась новая массовая прослойка бесправных людей – «работные люди», крепостные, которые обслуживали заводы и фабрики. Наиболее ярко это новое явление проявилось при строительстве уральских фабрик заводчиков Демидовых – жизнь крепостного на демидовских заводах не стоила практически ничего, а сам их быт был более похож на быт черных рабов на тростниковых плантациях.



При Петре I и других самодержцах из династии Романовых (вплоть до Александра II), положение простого человека принципиально никак не менялось.

При Екатерине II, заслужившей в народе уважительное прозвище «матушка», Россия продолжала идти по европейскому пути развития. Если сравнить число смертных казней совершенных в России при Екатерине (всего 3(!) за 34 года правления), с числом совершенных именем закона убийств при дворах просвещенных французских или британских монархов – Екатерина Великая, безусловно, заслуживает звания великого гуманиста. В период 1749 -1772 гг, только на территории Лондона были казнены более 600 британцев.

Переписка с Вольтером, реформы, триумфальное взятие Крыма, окончательно устранившее постоянную угрозу набегов крымских татар. Немка по крови Екатерина II была, пожалуй, лучшим (с точки зрения простого человека) просвещенным монархом за всю историю династии Романовых.

Города процветали и очень многие из них (как например заложенную при Екатерине Одессу) можно было назвать европейскими. Проблема заключалась в том, что масса бесправного крепостного крестьянства, по-прежнему составляла 80-90% от числа всего населения Империи. В столице и крупных городах процветали точные науки, литература, балет, театр и другие искусства – в деревнях же абсолютное большинство крестьян не могли написать на бумаге собственного имени.

Отдельно остановлюсь на Александре II, правителе, даровавшем в 1861 году свободу крестьянству и по злой иронии судьбы погибшему от рук террориста, боровшегося по своему собственному убеждению, против «диктатора и тирана».

Александр II совершил ошибку в том, что даровал людям «свободу нищих» - многие крестьяне, прожившие жизнь в качестве крепостных, просто не понимали, что им делать с этой свободой. Земли нет, денег тоже нет. Многое осталось на круги своя, с той лишь разницей, что теперь это были свободные люди, по доброй воле работавшие на того же

хозяина. И, тем не менее, гранит самодержавной тирании треснул именно при Александре II, благодаря его решению. Далее в России запускается процесс становления гражданского общества, который можно было затормозить, но остановить его движение вперед уже нельзя.

Революция. Гражданское общество при коммунистах.

Уже в конце XIX века стало понятно, что ожидания проснувшегося после многовекового «сна» народа, довлеющей над ним бюрократии, а также стремительно деградирующего самодержавия – находятся в системе острых противоречий. Стране нужны были реформы. Людям конца XIX века уже было мало личной свободы: хотелось права, а не произвола, все громче звучали пожелания принимать участие в работе органов местного самоуправления, принимать реальное участие в работе государства.

Волна народовольческого террора и ответный террор реакционных сил только подогревали сложившуюся ситуацию. Неоднократные попытки созыва Думы, предпринятые при Николае II оказались запоздалыми и неэффективными. Монархия в России могла сохраниться в английском варианте, если бы император вовремя понял, что время самодержцев ушло – а его роль теперь чисто церемониальная, роль «отца отечества», если хотите.

Империя, находящаяся в стадии опасного социального брожения – совершила катастрофическую ошибку, вступив в Первую Мировую Войну. «Войны никто не хотел, война была неизбежна».

Февральская революция, казалось, принесла народу подлинную свободу. Самодержец низложен, «вся власть – учредительному собранию», Россия должна была стать на путь активного построения гражданского общества, причем у нее были шансы сделать это, идя в авангарде общеевропейского развития.



По злой иронии судьбы к власти пришли радикально настроенные большевики – вместо построения цивилизованного общества, мы получили идеологический эксперимент длиной в 70 с лишним лет, стоивший России миллионы человеческих жизней (гражданская война, «большой террор»).

Осуществив захват власти, большевики столкнулись с полной некомпетентностью собственной управляющей команды. «Революционные матросы» оказались плохими управлением, экономистами, стратегами.

Новой власти пришлось обратиться к услугам старой, царской бюрократии. Обновления кадров не получилось: бюрократы смогли привить старые методы работы в новых условиях.

Формально при большевиках провозглашалось народовластие, «вся власть советам» - однако вместо развития гражданского общества и становления эффективного самоуправления на местах – уже к середине 30-х годов была выстроена четкая иерархия подчинения. Партийные разнарядки «сверху» зачастую никак не соотносились с реалиями на земле, что вызывало конфликты и проблемы. Кроме того, вскоре стало ясно, что реализовать себя человек может только в рамках КПСС. Вместо гражданского общества мы получили Красную Империю, в которой (в отдельные годы) человеческая жизнь стоила гораздо меньше, чем даже при царском режиме.

В конце 80-х стало понятно, что эксперимент провалился: очень многие люди не верили в идеалы марксизма, однако страна еще несколько лет прошла по накатанному пути. Люди ходили на демонстрации под красными флагами, отмечали идеологизированные праздники, защищали диссертации по научному атеизму.

При этом быт элиты, в 30-х годах во многом соответствовавший быту квалифицированного советского рабочего, в конце 80-х уже разительно отличался от жизни обывателей.

СССР перестал существовать, новая власть заговорила про свободу и демократию.

Гражданское общество. Современный этап.

Люди, которые управляют Россией на современном этапе ее развития – практически все в той или иной степени принадлежали к советской партноменклатуре. Было бы неправильным ожидать от наследников советской номенклатуры активных действий направленных на построение гражданского общества: проявление инициативы на местах, пусть даже в формате активного местного самоуправления, воспринимается чиновниками как потенциальная угроза власти.

Таким образом, запроса на развитие гражданского общества сверху в России нет и он не предвидеться в ближайшей перспективе. Все разговоры о построении гражданского общества исходящие от власти предержащих – к сожалению являются имитацией процесса.

Но стержень проблемы заключается даже не в тормозящей процесс бюрократии, а в гражданской пассивности значительной части наших граждан. Корни этого следует искать в историческом процессе: сначала несколько веков крепостного права, затем ГУЛАГ, через систему подавления личности, созданную в СССР прошли миллионы инициативных людей, людей получавших 58 статью УК СССР, фактически политзаключенных. На современном этапе нет ни крепостного права, ни ГУЛАГа, - однако система все равно ориентирована на подавление инициативы не санкционированной сверху.

В сознании граждан присутствует установка, что от них ничего не зависит, а у власти в стране находится сильный лидер, который позаботиться обо всем вместо них.

Посмотрите на неуклонно снижающуюся явку избирателей, это лишь отражение существующего информационного процесса.

Для построения гражданского общества в идеале должны совпасть два фактора: наличие инициативы снизу и как минимум решимость не тормозить процесс становления сверху. Это, подчеркиваю, идеальные условия, которые вряд ли достижимы в России. До тех пор,

пока бюрократия видит в развивающемся гражданском обществе угрозу собственному положению – никакого встречного движения сверху ожидать не приходиться. Построение гражданского общества через революционный путь, о котором иногда говорят интеллектуалы либерального толка, невозможно. Вспомните 1917 и 1991 годы. Каждый раз при совершении революции у власти оказываются не те люди, на приход которых уповают интеллигенция.

Поэтому построение гражданского общества в России будет довольно медленным структурным процессом, носящим эволюционный характер. Гражданское общество будет создаваться по инициативе снизу, а центрами развития, скорее всего, станут малые города. В мегаполисах потенциал для роста гражданского общества также есть, более того, именно в крупных городах сравнительно высокая концентрация инициативных людей. Но здесь главное избежать основной исторической ошибки: вспомните, что в то время когда в царском Санкт-Петербурге полным ходом шло становление модернистской России (на тот период времени), всего в нескольких сотнях километров от столицы сохранялся глухой, по сути средневековый крепостнический уклад. Города-миллионники – это еще не вся Россия.

К тому же, опыт выборов демонстрирует, что гражданскому обществу гораздо проще взять власть в маленьком городе, селе или районе, нежели сделать это в масштабе столицы. В малых городах люди так или иначе знают друг друга. В миллионах голосуют не за конкретного человека, а за образ сформированный политтехнологами. Прецедентов этого в России уже предостаточно.

Становый хребет российского гражданского общества должен быть сформирован именно в малых городах, это является необходимым условием для модернизации социума в целом.

Фото: <http://news-vendor.com>, <http://ru-novgorod.livejournal.com/289682.html>, http://objectedbella.my.blogspot.ru/2012/12/blog-post_4857.html,
<https://akostyuhin.livejournal.com/173019.html>.

«Это великий социальный эксперимент»

Как меняется общество во время и после карантина

27.04.2020
Ольга Филина



Пока многие не работают, социологи страдают от переизбытка заказов: как стало известно «Огоньку», отрасль проводит множество непубличных опросов,

зондирующих настроения в обществе и выявляющих реакцию на действия власти по борьбе с вирусом. Полученные результаты вызывают все большую озабоченность «вертикали». О возможных изменениях социального ландшафта во время и после карантина журнал поговорил с Симоном Кордонским, профессором, председателем экспертного совета фонда «Хамовники».

Беседовала Ольга Филина

— Вы всегда утверждали, что в России гражданского общества как такового нет, социальных групп тоже, зато имеются сословия. И что реальная матрица нашей жизни еще нуждается в описании, свободном от западных шаблонов. Стала ли эта матрица виднее, когда наступил «идеальный шторм» — текущий коронавирусный кризис?

— Сословия — это социальные группы, создаваемые государством. Сословная структура у нас оформилась с начала 2000-х, когда стали один за другим появляться законы: о военной службе, о статусе депутатов, о судебных приставах и далее. Под каждое сословие на сегодняшний день издан свой собственный закон. Но правда и то, что в обычной жизни межсословные перегородки были не очень заметны, существовали как бы номинально. Они появлялись, когда случалось ЧП для отдельного человека: арест или, наоборот, повышение по службе и прочее. А вот теперь ЧП настало для всех, и власть вынуждена жестко обозначить межсословные ограничения.



Симон Кордонский, социолог

Есть группы, которые должны самоизолироваться, есть группы, которые будут работать, несмотря ни на что, наконец, есть группы «вне сословий», которых как бы не существует. Формальное разделение стало фактическим, поведенческим, причем подневольным. Это тяжело переживается, причем всеми: нефтяники, например, работали до последнего, гражданские служащие и теперь работают — и не очень в восторге от того, что должны рисковать. Хотя беспрекословная служба государству предписана их сословной группе законом. Плюс ко всему происходит интересное оформление корпоративной структуры общества, как бы дополняющей сословную. Есть список из 600 предприятий, на которые не распространяются ограничения деятельности: наконец стало ясно, какие корпорации в Системе, а какие нет. Все это способствует социальной определенности, выяснению априори конфликтных отношений между группами.

— Такая ясность — к лучшему?

— Открытые конфликты легче разрешать. Так что в этом смысле — да.

— Какие конфликты вы считываете?

— Глобально один — конфликт за ресурсы; локально — множество споров за свою долю пирога, свой кусок. У нас же распределительная экономика. И тут еще другая проблема: если раньше процедура распределения ресурсов была более или менее понятна, как-то описана в бюджете, то теперь все сломалось. Регионам дарована часть ресурсов, которая раньше забиралась в центр, непонятно, надолго ли и как все перестроится. Масса номинальных граждан вычеркивается из распределительных потоков, хозяйственного оборота. На мой взгляд, мы присутствуем при великом социальном эксперименте, имеющем большое значение для бюрократии: выясняем, каким образом система может обойтись без некоторых сословий, вроде пенсионеров, самозанятых. Может, выяснится, что они вообще не нужны. Ну и да, люди таким образом перестают быть субъектами/адресатами распределения, а сами осознаются как трудовые мобилизационные ресурсы. Государство захочет понять, как использовать даже «ненужных».

— Ненужными стали самозанятые, предпримчивые россияне? Условно: все те, которые в 1990-е как раз выплывали из кризисов первыми?

— Систему самозанятости в России правильнее называть системой

самовыживания. Она всегда была дополнительной к государственной экономике

и обеспечивала живучесть нашей страны. Сегодня ее ограничили — по

объективным и субъективным причинам (сиди дома, не ходи).

И это как раз нарушение некоего «обычного права», к которому все привыкли. Людей не просто оставили без денег, а не дают зарабатывать привычным путем. Пострадали практически все промыслы: от репетиторства (оказывается, онлайн оно не всегда возможно) до автомастерских (которые существовали как дополнение к официальной деятельности автодилеров, продавая и переставляя запчасти от старых/краденых машин). Что всем этим людям делать? Им не раздадут денег по западному сценарию, потому что они не существуют для государства, это принцип отношений с ними.

— Но это справедливо, наверное, для работников теневых секторов экономики, а самозанятые все же имеют статус, а значит, должны претендовать на поддержку...

— Да нет никакой теневой экономики: это глупый термин, придуманный для описания той реальности, которая не соответствует учебникам. Врач, например, использует

свое служебное положение, чтобы консультировать по интернету, или создает свою клиентуру, так как имеет хорошую репутацию в цехе. Что это, теневая экономика? Нет, она более чем публичная. Есть криминальная экономика, но она как раз неплохо контролируется корпорациями внутри государства.



Экономист Александр Аузан о перспективах нового социального контракта

Попытки выставить самозанятых, или «самовыживающих», паразитами на социальном теле бессмысленны: когда нет никакого социального контракта (а у нас его нет), нельзя утверждать, что какие-то транзакции, переводы ресурсов менее правильные, чем другие. Любой электрик или сантехник, берущий «левые» деньги, платит местным органам власти своими услугами и лояльностью. Никаких рациональных доводов, почему он должен изменить свои практики ресурсообмена, вы не придумаете. Государство совершает усилия по выстраиванию силовых отношений с теми, кто где-то что-то делает без его санкции, проще говоря, грозит административкой и уголовкой. Но на этом аргументы заканчиваются.

— Как могут измениться отношения граждан и государства в условиях нынешнего кризиса?

— Монополизация, национализация ресурсов, корпоративизация жизни — никакие иные варианты не просматриваются. Ограничение самодеятельности, конечно. Насколько это будет терпимым, не знаю, но государство попытается занять больше ниш.

— Общество относительно легко соглашается на текущие ограничения, потому что они имеют медицинское оправдание. Однако первые митинги против карантина (например, во Владикавказе) уже имели место. Ждать скачка оппозиционности?

— О «росте оппозиционных настроений» обычно говорит интеллигенция — социальная группа, которая меня интересует в последнюю очередь. Потому что она всегда реагирует по стандарту, заданному еще в сталинское время: или защищает народ, или прославляет власть. Она существует в этой триаде «народ — власть — интеллигенция» и все время кому-то оппонирует. Я уже не очень понимаю, кому. Существуют властные

этажи: есть федералы, есть губернаторы, есть силовики, еще кто-то — и между ними сложные отношения. Вся эта пестрота вместе представляет «государство». Вокруг этого государства как-то существует народ. Но что такое наш народ сейчас? Никто ж не может определить.

— **Давайте перефразируем: вы говорили, что конфликты становятся явными. Значит, они могут выливаться в протесты?**

— Могут, но протесты бывают очень разного качества. Условно: если сейчас конфликт между организаторами здравоохранения и его акторами приведет к росту самосознания и ответственности последних — будет хорошо. Станут врачи сильной корпорацией, способной к диалогу с государством, — прекрасно. Однако они вполне могут конфликтовать, бузить и никакого самосознания не обретать. Тогда все впустую и не очень интересно.

У нас есть сословия, есть корпорации, а органы согласования их интересов

отсутствуют. Оно понятно: быстро такие соборные институты не

появляются. А в отсутствие всякого «собора» единственным способом

поговорить оказываются некие акции, протесты.

Поэтому увеличение числа протестов само по себе не говорит об изменении системы, наоборот — протесты ей имманентно свойственны. Были, например, московские выступления после выборов в гордуму. Какой лозунг там стал центральным? А старый добрый, известный с начала 90-х: «Партия, дай порулить», пусти нас в Думу. Протест в наших условиях — это демонстрация того, что мы обижены, нашей группе/корпорации дали меньше, чем другой/чем мы заслуживаем. Я не вижу групп, которые были бы более рациональными в своих интересах, а не просто хотели бы откусить кусок у другого. Если текущий кризис здесь что-то изменит, станет интересно.

— **При этом в отношении государства вы не сомневаетесь: оно прибегнет к мобилизации. То есть будет укрепляться и «откусывать куски», так?**

— Попытается, но не думайте, что с большим удовольствием. Режим ЧС в стране ведь так и не введен: наши правители в действительности боятся мобилизации. Больше мобилизации — больше власти военных, а с военными придется делиться. Придется как-то подкручивать систему, перераспределять ответственность. К этому никто не готов, даже сами силовики. Пока расчет на то, что 2–4 недели протянем, а там все естественным образом

сгладится. И в предсказанной мной мобилизации на передовой будут выступать в первую очередь штрафующие органы.

— Самозанятым есть куда отступать? Они ведь выживают, как я понимаю, в зонах, относительно свободных от государства.

Опрос

ТРЕВОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ДУМАЮТ,
ЧТО В РОССИИ ВСЕ ХОРОШО, — НА УРОВНЕ
СТАТИСТИЧЕСКОЙ ПОГРЕШНОСТИ. ЗАТО
АБСОЛЮТНОЕ БОЛЬШИНСТВО СМОТРИТ
В БУДУЩЕЕ С ТРЕВОГОЙ

Есть разные точки зрения по поводу
экономического кризиса в нашей стране.
Как вы думаете, мы переживаем сейчас
самые тяжелые времена, или они позади,
или еще впереди?



— Лучшим исследованием сейчас было бы посчитать площади газонов/пустырей на дачах, вновь распаханных под грядки. По некоторым сведениям, народ раскупает семена и дешевые китайские генераторы, мотоблоки — но тут все надо проверять. Из Москвы выехал почти миллион дачников, в других городах — похожая ситуация. Что все эти люди делают? В какой-то степени они, естественно, перейдут к самообеспечению. Мне, например, непонятно, как долго выдержат наши торговые сети, которые сейчас распределяют продукты (уже в значительной мере не продают, а именно распределяют). Сейчас некоторая часть товаров отсутствует, ассортимент уменьшается. В райцентрах

типовыe торгоe центры (так называемые стекляшки) еще год назад, в спокойное время, начали обживаться местными: превращаться в аналоги колхозных рынков, обросших своими лавочками — передвижными точками торговли. Если штрафующие органы будут милосердны, эти рыночки смогут ожить; если прижмут — забыются вглубь социальных связей.

— Что происходит с отходниками?

— Все очень зависит от сферы деятельности. Например, строительство не останавливается: кто работает на строительных объектах, прибавит активов. Вахты сохраняются и на добыче полезных ископаемых, и на охране различных объектов. С другой стороны, число вахтовиков урезают. Какая-то жизнь есть, но она в значительной мере зависит от государственного аппарата и его корпораций, поэтому отложенным образом еще войдет в кризис.

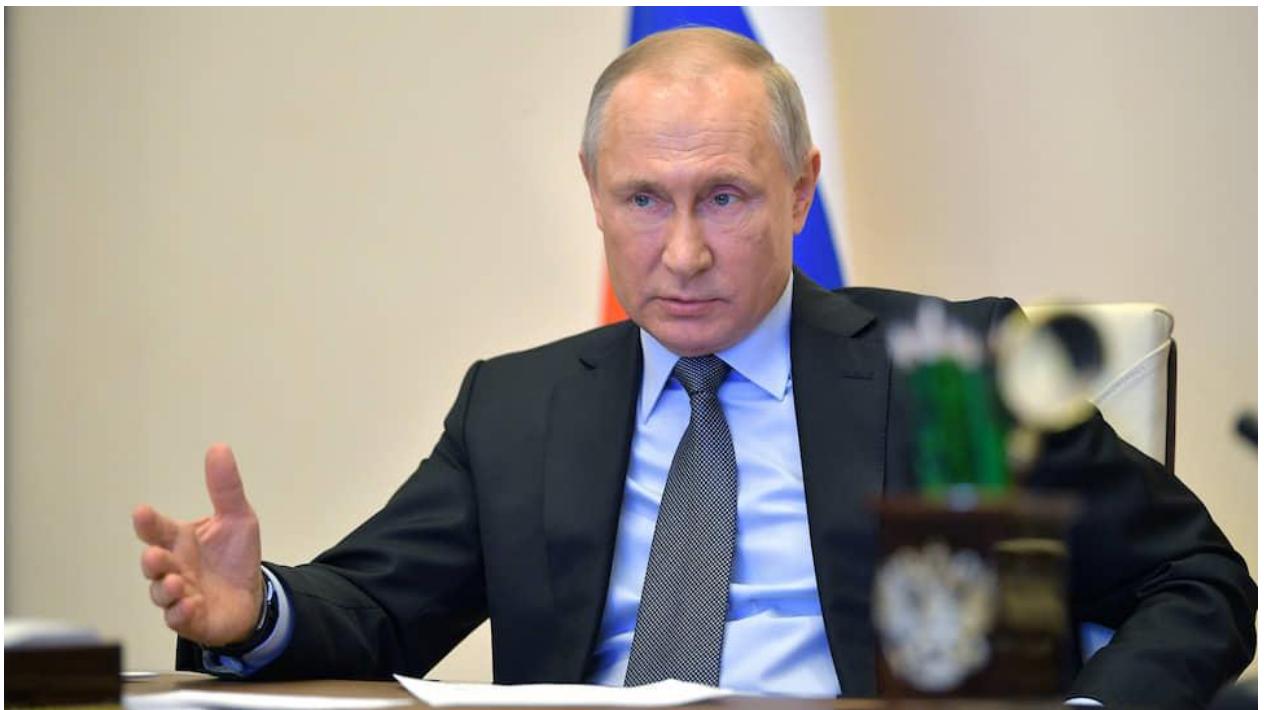
Плюс: те из вахтовиков, которые лишаются работы и возвращаются в семьи, сталкиваются дома с массой проблем — все привыкли жить порознь, при этом относительно обеспечно. Теперь надо жить вместе при нехватке денег. На алкоголь ограничений нет, это социально значимый товар. И посмотрим, что еще будет происходить в российских семьях...

— Какие стратегии выживания кроме «натурального хозяйства» будут востребованы в этот кризис?

— Одна основная стратегия — избегание государства. Но это сложно, потому что государство старается залезть во все дыры, все регламентировать и всех поставить под подозрение. Все, кто с ним сталкивается, в том или ином виде под прицелом. Вот, скажем, есть участковая больница, у нее смета на ремонт крыши. А сломалось вдруг крыльцо. Главврач тратит деньги «крыши» на крыльцо, то есть совершает уголовно наказуемое деяние, нецелевое использование бюджетных ресурсов. Это замечает чиновник и, в свою очередь, решает сложную задачу: как интерпретировать действия врача? Какой закон применить или не применять вовсе? Ведь этого чиновника будет чуть позже проверять вышестоящий начальник и так далее... Если где-то кто-то захочет «навести порядок», мало никому не покажется. Поэтому очень многое зависит от личных оценок, от желания уклоняться от государства или следовать за ним.

— Можно ли вообразить какой-то механизм разрешения накопленных конфликтов и споров, который как-то сообразовывал бы людей с государством и наоборот?

— Я уже говорил, что нужен некий соборный орган. Федералы пытаются его выдумать, не случайно в Думу берут спортсменов, артистов и силовиков — далеко не первых гениев, но как бы представителей определенных сословий. Сурков был намерен созвать собор на базе «Единой России», Володин — «Общероссийского народного фронта», но, откровенно говоря, не получилось. Сложность в том, что собору нужно, чтобы все группы, выдвигающие своих представителей, как-то себя осознали. То есть осознали и свою особость, и свое единство с другими в рамках одной страны. А с этим тую.



Какие меры поддержки экономики объявил Владимири Путин

Кризис может способствовать тому, чтобы уяснить «особость». Ну а единство, как давно известно, обычно связано с формированием национального самосознания. Тут требуется уйти от сталинского определения нации, которым все болеют, включая интеллигенцию, и перейти к нормальному политическому. У нас с советских времен русскими считалась совокупность людей, принадлежащих к разным этническим группам и находящихся вне территории их проживания. Наш адрес — не дом и не улица, как известно, а русский — это человек без территории, почти ругательство. Пока пытались построить «советских», в таком уничтожении «русских» был, цинично говоря, смысл. Ну а сейчас-то вообще непонятно, кто мы. Советские не получились, от русских отучились. Ну и называют нас по инерции «народом». Но народа-то тоже нет: есть группы интересов, песок... Поди собери его. Поэтому надежда на качественные изменения должна быть, но ожидать резкого скачка не советую. Какая-то работа по осознанию себя еще предстоит.

[https://www.kommersant.ru/doc/4326858.](https://www.kommersant.ru/doc/4326858)
